

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

**ЕСЛИ ВАМ
ДОРОГА ЖИЗНЬ**

Этот план я вынашиваю давно. И если я тебе его открою,
он уже не будет моей тайной, верно? Так что назад пути нет.
Либо ты со мной, либо ты покойник...

Дж. Х. Чейз

Звезды классического детектива

Джеймс Чейз

Если вам дорога жизнь

«Азбука-Аттикус»

1971

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Если вам дорога жизнь / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1971 — (Звезды классического детектива)

ISBN 978-5-389-18918-8

Пок Тохоло – настоящий мастер рэкета. Ему нет равных в умении внушать страх, парализующий волю, легко открывающий самые пухлые кошельки. Вместе с подельниками он в два счета превращает Парадиз-Сити в городок, охваченный паническим страхом...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18918-8

© Чейз Д. Х., 1971
© Азбука-Аттикус, 1971

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джеймс Хэдли Чейз

Если вам дорога жизнь

© М. А. Загот, перевод, 1991

© Е. А. Королева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Мег проснулась внезапно, словно от толчка, хотя проспала они от силы час. Оторвала голову от рюкзака, что служил ей подушкой, и тревожным взглядом обвела залитую лунным светом пустую комнату. Над собой она увидела густую гирлянду провисшей паутины, по потолку шествовал гигантский паук.

– Жутью какой-то веет, – сказала она Чаку, когда они выломали двери. – Для привидений самое подходящее место.

Но Чак не страдал от избытка воображения. Он загоготал:

– Ну и ладно... Составим им компанию. Все лучше, чем эти чертовы комары.

На этот заброшенный дом они наткнулись, когда сошли с шоссе номер 4 в поисках ночлега. Вскоре после того, как они ушли из Гулдса, городка лимонов и картофеля, деньги у них кончились. Чак пытался подработать на одной из упаковочных фабрик, но ему дали от ворот поворот. Волосы до плеч, борода, а запах? Последний раз ему удалось помыться в Джексонвилле – для работодателей все это было никуда не годной рекомендацией.

Пустынный дом стоял в зарослях чахлах пальм и буйно растущего кустарника. Это была двухэтажная усадьба колониальных времен, крышу с фасада подпирали шесть квадратных колонн; видимо, дом когда-то принадлежал богатому южанину и производил на его гостей солидное впечатление.

Мег даже заохала: неужели хозяин не нашел покупателя на такие хоромы? И что это за хозяин такой?

– Нам-то что? – ответил на ее недоуменные вопросы Чак, подошел ко входным дверям и как следует саданул ногой по массивному железному замку. Просевшие двери открылись. Одна сорвалась с петель и грохнулась наземь, взметнув облако удушающей пыли.

Мег отпрянула:

– Не хочу я там спать... там жутко!

– Не утомляй! – Чак был не в настроении, чтобы выслушивать этот суеверный бред. Ему хотелось есть, он устал, на душе было муторно. Схватив Мег за руку, от втащил ее в пропыленную тьму.

Спать они решили на втором этаже: окна первого были заколочены досками. А на втором – стекла, хоть и грязные, пропускали лунный свет, и можно хоть как-то распаковаться. А широкая лестница, что вела наверх, – вот это да! Мег представила себе, как по этим ступеням спускается, скажем, Скарлетт О'Хара во всем своем великолепии, а снизу, из большого холла, на нее восторженно взирают поклонники и обожатели. Но этими мыслями делиться с Чаком она не стала. Она знала: он поднимет ее на смех, вот и все. Чак жил сегодняшним днем, и только. Даже будущее для него – сплошь белая пелена. И вот неведомо от чего она проснулась; сердце билось как-то неровно. Она стала вслушиваться в ночь.

Дом жил своей жизнью. Долетавший с Бискейнского залива ветер негромко постанывал под свесами крыши. Что-то пришепывали ключья обоев. Поскрипывали половицы, где-то внизу от ветра распахнулась дверь, и проржавевшие петли визгливо просигналили об этом.

Мег еще минутку прислушивалась, потом, хотя тревога и не улеглась, решила: надо спать. Она посмотрела на Чака: он лежал на спине, рот приоткрыт, прядь длинных невымытых волос упала на лицо. Даже со своего места она чувствовала его запах, но что поделаешь? От нее и самой небось пахнет не лучше. Ладно, вот доберутся они до моря, искупаются, и проблема отпадет сама собой.

Она подняла глаза к потолку, вытянула длинные ноги, провела рукой по пышной груди, укрытой протертым до дыр грязным свитером.

Она уже привыкла к жизни, полной лишений, привыкла довольствоваться малым. Тут были свои преимущества; по крайней мере, она вольна идти куда хочет и жить как хочет, а для нее это уже немало.

Она вспомнила отца, работавшего за гроши страховым агентом, занудную матушку. До семнадцати лет она мирилась с ними, хотя уже в четырнадцать решила: уйдет из дому, едва почувствует в себе силы уйти. Этот затхлый мирок среднего класса – она в нем просто задыхалась. И когда в ее жизни появился Чак, она сказала себе: пора.

Чак был старше ее на четыре года. Она тогда отправилась в кино, одна – такое случалось редко, подружек всегда хватало. Но именно в тот вечер ей хотелось побыть одной. Родителям она сказала, что идет в кино с Ширли. Родителям надо было всегда знать, с кем она идет и куда, и она всякий раз им врала, потому что знала: им и в голову не придет проверить – простофили. Она врала, даже когда шла куда-то с Ширли, говорила, что идет с Эдной. Пудрить мозги родителям – в этом был особый смак. Да они небось и не слышали, что она им говорила. Сидят себе, уткнувшись в телевизор, и всегда одно и то же напутствие: «Счастливо, милая, гуляй, только не поздно». Ее так и подмывало сказать, что сегодня у нее свидание с Фрэнком Синатрой, – ведь и ухом бы не повели!

Фильм оказался страшной скукотищей, она не высидела и половины, ушла. Но на улице стала себя корить. Ведь еще только девять часов. Ну ушла из кино, а что дальше? Вечер душный, знойный, да и не бродить же по улицам. А идти некуда, разве что домой... Но провести вечер с родителями за телевизором – такого она не могла пожелать даже врагу.

– Не скучно одной?

Перед ней, шагнув из тени, появился Чак. Она окинула его оценивающим взглядом. Мужчин для своего возраста она повидала немало и позволяла им многое, но последний рубеж – девственность – не сдавала. Ей нравилось тискаться в машине, отчаянно сопротивляться и в конце концов сдавать позицию за позицией – кроме последнего бастиона. Мать столько раз предупреждала ее от незнакомых мужчин держаться подальше, что это предупреждение стало поперек горла.

По-своему Чак был привлекателен. Невысокий, коренастый, крепко сбитый. Длинные рыжеватые волосы и борода пришлись ей по вкусу. Лицо независимое, беззаботное, при всей неправильности черт красивое. В нем чувствовалось мужское начало.

Они пошли на пляж, выкупались нагишом. Чак совершенно не стеснялся своей наготы, чем убил в Мег последние остатки робости, – она сняла с себя одежду.

Когда они добрались до моря, он предложил: «Поплаваем?» Тут же разделся донага и, не успев Мег прийти в себя, бросился в воду. Поколебавшись мгновение, она последовала его примеру, а потом уступила его настойчивым ласкам.

Первый в ее жизни акт любви прошел с блеском. Недостатков у Чака хватало, но доставить удовольствие женщине он умел.

– Ты мне нравишься, Мег, – сказал он, когда, исчерпав любовный пыл, они лежа отдыхали друг подле дружки.

– Деньги у тебя есть?

Вскоре выяснилось, что Чака по-настоящему интересуют лишь две вещи: деньги и женщины. У Мег и вправду было отложено триста долларов – дарили богатые родственники, вот она и скопила за многие годы – «на черный день», как говаривала ее мамаша. Черный день пока не наступил, но стоит ли ждать его прихода?

Чак сказал ей, что собирается во Флориду. Хочет погреться на солнышке. Нет, ничем особенным он не занимается. Когда деньги кончатся, устраивается на работу – какая подвернется; как немножко отложит, сразу снимается с якоря. Для него такой образ жизни в самый раз. А для нее? А ведь, пожалуй, тоже. «Трех сотен, – сказал Чак, – нам хватит на целую вечность. Давай двинем во Флориду вместе?»

Именно этой минуты Мег ждала весь последний год. Вот он – мужчина, который ее волнует, и на жизнь у них взгляды сходные. Сильный, самостоятельный, да и любовник что надо. Уговаривать ее не пришлось.

Они договорились встретиться на завтра на автовокзале – и вместе рвануть во Флориду.

На следующее утро, когда мать ушла по магазинам, Мег побросала в рюкзак свои нехитрые пожитки, черкнула записку, что назад не вернется, позаимствовала пятьдесят долларов, которые «на черный день» держал в доме отец, – и покинула родительский кров навсегда.

Триста долларов плюс пятьдесят отцовых кончились довольно быстро – какая там вечность! Среди прочих слабостей Чака числилась неукротимая страсть к азартным играм. Мег с замиранием сердца следила, как Чак беззаботно просаживал ее деньги, играя в кости с двумя парнями, которые прилепились к ним по пути в Джексонвилл. Когда в ход пошли последние пятьдесят долларов, Мег дрожащим голосом пролепетала: «Может быть, хватит?»

Парни посмотрели на Чака. Старший из них спросил:

– Ты что же своей бабе командовать позволяешь?

Чак прижал к лицу Мег широкую, короткопалую ладонь и как следует толкнул – Мег полетела вверх тормашками, ударилась о кочковатую землю, да так, что едва дух не вышибло. Когда она очухалась, Чак уже проигрался в пух и прах, а два парня с ее деньгами растворились в вечерней тьме.

– Да деньги на то и придуманы! – огрызнулся Чак в ответ на ее жалобный вопль. – Нечего тут ныть! Найдем деньги... их кругом полно, только не зевай.

Они подрядились убирать апельсины и вкалывали на жаре целую неделю, пока не наскребли тридцать долларов. Потом снова двинули в сторону Майами.

Но и этих денег хватило ненадолго: надо было что-то есть, платить за дорогу. Сейчас у них не осталось ни гроша, и Мег здорово проголодалась. Вот уже двенадцать часов во рту у нее не было и маковой росинки. Последним из того, что она съела, был поджаренный на прогорклом масле гамбургер... и все же пока она ни о чем не жалела. Да, пусть она грязная, голодная, бездомная, но это куда лучше, чем жить в постылой тюрьме, которой правят ее родители.

Ничего, завтра что-нибудь подвернется. Чак что-нибудь придумает. Она снова примостилась поудобнее, собираясь заснуть, и снова вздрогнула, подняла голову.

На первом этаже кто-то ходил!

Она ясно услышала скрип кожаной подошвы, и сердце ее учащенно забилось. Подвинувшись к Чаку, она взяла его руку и легонько ее встряхнула:

– Чак!

Он застонал, отбросил ее руку и стал переворачиваться на другой бок, но она снова тронула его за запястье:

– Чак!

– Ну какого хрена! – Он проснулся, приподнялся на локте. Даже в такую минуту исходивший от него запах грязи и пота заставил ее наморщить нос. – Чего тебе?

– Внизу кто-то ходит.

Она почувствовала, как напряглись его стальные мышцы, и успокоилась. Перед его физической силой она благоговела.

– Слушай! – прошептала она.

Сбросив ее руку, он поднялся. Бесшумно ступая, подошел к двери и приоткрыл ее. Она смотрела на его широкую спину. Он чуть пригнулся, словно изготовился к прыжку, и страхи ее улеглись. Он долго вслушивался, потом закрыл дверь и вернулся.

– Да... ты права. Там кто-то есть... может, фараон.

Она уставилась на него:

– Фараон?

– Мы же нарушаем право собственности. И если какому-то фараону нейдет... – Он прикусил нижнюю губу. – Нас вполне можно упечь за бродяжничество.

– Мы же ничего плохого не делаем... бродяжничество?

Но Чак ее не слушал. Из кармана брюк он вытянул какой-то предмет и сунул его в руку Мег:

– Засунь себе в трусы. Если это фараон, лучше пусть у меня этого не будет, а то еще найдет...

– Чего «этого»?

– Ножа, бестолковая!

Он подошел к двери и неслышно открыл ее. Мег видела, как он вышел, остановился у начала ступеней. Потом она перевела взгляд на костяную рукоятку ножа с хромированной кнопкой и непроизвольно нажала на кнопку. И тут же вздрогнула: из рукоятки выщелкнулись три дюйма мерцающей стали. Она понятия не имела, как убрать лезвие обратно в рукоятку, поэтому подскочила на ноги, прошла в другой конец комнаты и спрятала нож под кучу ободранных, заплесневелых обоев. Потом вышла вслед за Чаком. Он сделал ей знак: тихо! Так они стояли не шевелясь и вслушивались. Но, кроме гулкого тиканья собственного сердца, Мег ничего не слышала.

– Пойду вниз, – прошептал Чак.

Мег вцепилась ему в руку:

– Не надо!

Казалось, он только этого и ждал. Похоже, он был испуган не меньше ее, и она в нем слегка разочаровалась. Они еще некоторое время прислушивались, и тут из комнаты слева от холла донесся ясный звук шагов. Человек – виден был лишь темный силуэт – вошел в холл. Заметив красный огонек сигареты, Чак сразу успокоился. В любом случае это не фараон. Фараоны на дежурстве не курят.

– Кто там? – спросил он, и Мег его голос показался строгим и зычным.

На минуту наступила пауза. Тусклый силуэт не двигался, потом на них ударил луч мощного фонаря, заставив отпрянуть. Через секунду-другую луч исчез, и они вообще перестали видеть что-либо.

– Дай нож, – прошептал Чак.

Мег, спотыкаясь, вернулась в комнату, добежала до груды обоев и нашла нож.

– Я увидел, дверь открыта, – объяснял мужской голос снизу, когда Мег встала рядом с Чаком, – вот и вошел.

Жаркие, вспотевшие пальцы Чака сомкнулись на рукоятке ножа.

– Как вошел, так и выходи, – прорычал он. – Мы тут по праву первого. Так что проваливай!

– По-моему, тут всем хватит места. У меня еда есть. А одному ужинать неохота.

При мысли о еде у Мег сразу закололо в желудке, потекли слюнки. Она стиснула руку Чака. Он понял ее – ведь и сам как следует проголодался.

– Я думал, ты фараон, – миролюбиво объяснил он. – Поднимайся сюда.

Человек ушел в комнату возле холла и тут же вернулся, неся рюкзак. Подсвечивая себе фонарем, начал подниматься по ступеням.

Чак ждал его с ножом в руке, отпихнув Мег подальше, к комнате, в которой они спали. Она застыла в дверях, с бьющимся сердцем наблюдая, как приближается непрошенный гость.

Не спускал с него глаз и Чак. Он видел лишь высокий силуэт: человек был на голову выше Чака, но худощав и отнюдь не широкоплеч. «В случае чего управимся», – решил Чак.

– Дай фонарь.

Человек протянул ему фонарь. Перехватив его, Чак резко направил луч в лицо пришельца.

Увидев это лицо, Мег оцепенела. Перед ними стоял индеец-семинол. По дороге из Джексонвилла им встретилось несколько индейцев этого племени, и сейчас она узнала эти густые иссиня-черные волосы, темную кожу, выступающие скулы и узкие черные глаза. Индеец был красивый и молодой – года двадцать три или двадцать четыре, только лицо какое-то бесстрастное, застывшее, окаменевшее, и Мег стало не по себе. На нем была желтая рубашка в белый цветочек, темно-синие джинсы, коричневые стопы обуты в веревочные сандалии-плетенки.

Он стоял спокойно, позволяя им разглядывать себя. В свете фонаря Мег показалось, что в глазах его тлеет огонь.

– Как тебя зовут? – спросил Чак, направив луч фонаря на пол.

– Пок Тохоло, – ответил индеец. – А тебя?

– Чак Роджерс... А это моя девушка, Мег.

– Давай ужинать.

Освещая путь фонарем, Чак повел незваного гостя в комнату. Мег уже сидела там возле своего рюкзака, а желудок ее посылал сигналы бедствия.

Пок бухнул свой рюкзак на пол, склонился над ним, развязал тесемки, достал из него две свечи и прилепил к полу. Потом забрал у Чака фонарь и убрал его в рюкзак, а на свет извлек пластиковый пакет, в котором лежали аппетитный жареный цыпленок и несколько кусков ветчины.

– Эй! Откуда такая роскошь? – воскликнул Чак, выпучив глаза. Он даже вспомнить не мог, когда в последний раз ел цыпленка.

Пок взглянул на него:

– Какая тебе разница? – Он ловко поделил цыпленка на равные части, орудуя ножом с костяной рукояткой.

Ели они молча, вгрызаясь в цыпленка с яростью и довольством. Мег заметила, что индеец то и дело поглядывал на Чака. В ее сторону он не взглянул ни разу.

Покончив с трапезой, Чак откинулся на спину, уперся локтями в пол.

– Ну, брат! Славно подхарчились! Ты куда путь держишь?

Пок достал пачку сигарет.

– В Парадиз-Сити. А вы?

– В Майами вроде собирались.

Они прикурили от пламени свечи.

– А работа там у тебя есть? – спросил Пок. Он сидел, скрестив ноги, уперев руки в колени.

– Найду.

– Так уверен? – Пок внимательно посмотрел на Чака. – Фараоны всякое отребье не жалуют.

Чак застыл, оцепенев от такой наглости:

– Ты это меня назвал отребьем?

– А кто же ты есть? Весь грязный, и воняет от тебя.

Мег вздрогнула. Ведь сейчас Чак кинется на этого индейца с ножом! Но Чак, как ни странно, остался сидеть на месте.

– По мне, лучше быть отребьем, чем краснокожим дикарем, – подал голос он. – Думаешь, тебе работу на тарелочке поднесут?

– Мне работа не нужна.

Чак насторожился:

– У тебя что же, деньжата водятся?

Пок кивнул.

– И сколько? Десять долларов? Спорить буду, что не больше!

– Завтра я покупаю машину.

Чак присвистнул сквозь зубы.

– Машину? Какую?

Пок пожал плечами:

– Что-нибудь подешевле... подержанную. Главное, чтоб ездила. Мне нужна машина.

– Мать честная! – Чак долго смотрел на индейца, что-то обдумывая. – Слушай! А что, если нам втроем сколотить компанию? Доберемся вместе до Парадиз-Сити... Что скажешь?

Мег, слушая, восхитилась Чаком – молодец, без комплексов. Так и надо. Не попросишь – не получишь.

– А зачем нам объединяться? – после паузы спросил Пок.

– Хуже-то тебе не будет. Одному в дороге – тоска. А с нами – все веселее.

Пок поднялся, отнес рюкзак в дальний конец комнаты, подальше от Чака и Мег, и там уселся на пол.

– Ты что, глухой? – крикнул Чак. – Хуже-то тебе не будет!

– Подумаю. А сейчас я хочу спать. Задуйте свечи... они денег стоят. – И Пок вытянулся на полу, повернулся к ним спиной и положил голову на рюкзак. Чак и Мег переглянулись.

Мег задула свечи. Над ними сомкнулась тьма. Прошло несколько минут, прежде чем их глаза привыкли к лунному свету. Пок как будто уже заснул. По крайней мере, дышал он ровно и спокойно.

Улеглись и Чак с Мег.

Утолив голод, намытарившаяся за день Мег заснула мгновенно, а Чак... Чак и не думал спать, мозг его всюду трудился.

Блефует этот индеец или нет? Неужто и вправду собирается покупать машину? Может, он решил пустить им пыль в глаза... а если нет? Тогда деньги либо на нем, либо в рюкзаке.

Чака прошиб пот. Как минимум у него должны быть две сотни долларов! Поганый индеец с двумя сотнями долларов!

Его толстые короткие пальцы сомкнулись вокруг рукоятки ножа. Задача не из трудных. Прокрасться в другой конец комнаты, один взмах ножом – и дело в шляпе.

Кое-какой опыт на этот счет у Чака имелся. Если бы он шел на мокрое дело впервые... но на его счету уже числились два покойника. Одним больше, одним меньше – велика ли разница?

Потом он вспомнил Мег и поморщился. Незачем было тащить ее с собой. Если он убьет индейца, она жутко разволнует – это точно. Пальцы его крепче стиснули нож. «Две сотни долларов! Что ж, будет выступать – и ее отправим по тому же адресу». Когда найдут тела, он будет за много миль отсюда... так их надо еще найти.

Тыльной стороной ладони он вытер вспотевшее лицо.

Так тому и быть! Только надо немного выждать. Сон у индейца пока не глубокий. Пусть забудется в глубоком сне... тогда вперед!

– Чак?

Заслышав голос индейца, Чак оцепенел.

– Я сплю чутко, и у меня есть пистолет. – Помолчав, Пок добавил: – Поговорим завтра.

Пистолет!

Пальцы Чака сами собой разжались. Этот паразит словно прочел его мысли.

– Да заглохни ты, – пробурчал он. – Я уже засыпаю.

– Поговорим завтра.

Вскоре Чак и вправду заснул.

На завтрак Пок выложил еще ветчины, немного черствого хлеба и бутылку кока-колы.

Ели они молча, но Мег снова заметила: Пок все поглядывает на Чака и в его глазах блещут огоньки, будто он взвешивает, стоит иметь с Чаком дело или нет.

Когда они поели, Чак без лишних церемоний спросил:

– Если купишь машину, нас подвезешь?

Пок подошел к своему рюкзаку, достал из него электробритву с батарейным питанием, карманное зеркальце. Приткнул зеркальце к оконной раме, начал бриться.

Чак сжал кулаки, лицо налилось кровью.

– Ты не слышал, что я сказал?

Пок взглянул на него и продолжал бриться. Когда закончил, обронил:

– Я еще думаю. – Продув ножи, он убрал машинку и вытащил полотенце и кусок мыла. –

Тут рядом канал. Идем?

Сердце Чака бухнуло под ребрами. Вот он, его шанс! Подальше от Мег. Он убьет этого индейца, а потом вернется и скажет ей, что краснокожий утонул. Поверит она или нет – ее дело, но свидетельницей она уже не будет.

– Пошли.

Вслед за Поком он вышел из комнаты. Но у лестницы вдруг спохватился:

– Черт! Полотенце забыл.

Пок с каменным лицом посмотрел на Чака:

– Скажи ей, пусть не дергается. Деньги при мне. – Он пересек холл и вышел на воздух.

Чак вернулся в комнату, перекошенный от ярости. Порылся в рюкзаке, извлек оттуда отсыревшее, грязное полотенце. Мег спросила:

– Как ты думаешь, он возьмет нас с собой?

– Откуда мне знать? – рявкнул Чак и вышел.

Он догнал Пока, и через подлесок они направились к каналу.

«Разденемся, – думал Чак, – тогда я его и порешу. А кровить свою одежду нечего. Коленом в пах, потом ножом – и порядок».

Вот и канал. На поверхности воды плясали солнечные блики. По ту сторону канала виднелось шоссе 27, ведущее в Майами. В этот ранний час никакого движения на трассе не было.

Чак стянул через голову засаленную рубашку, поиграл мускулами. Пок отошел чуть в сторонку, разделся и стал у края канала.

Чак увидел: его тонкая талия обхвачена пластиковым поясом для денег. И явно не пустым. Глаза Чака сузились. Но когда он окинул взглядом фигуру Пока, ему стало слегка не по себе. Такого торса он еще не видел. Плоские мышцы колыхались при каждом движении, будто рябь на поверхности воды. Не тело, а гибкая сталь... Чак вдруг потерял уверенность в собственных силах. Да, этого индейца голыми руками не возьмешь. Впрочем, зачем голыми? Рука юркнула в карман, и пальцы нащупали рукоятку ножа.

Между тем Пок нырнул в воду и, делая мощные гребки, поплыл к дальнему концу канала. Отвернувшись, Чак вытащил из кармана плотную эластичную ленту и обмотал ее вокруг кисти. Сунул под нее нож. Потом скинул брюки, отшвырнул с ног ботинки и тоже нырнул. Пловец он был плохонький и рыбой себя в воде не чувствовал никогда. Пок же, расслабившись, лежал на спине. Тяжелыми гребками вспарывая воду, Чак поплыл к нему. Резкое движение снизу вверх – и индейцу конец, только надо успеть стащить пояс, прежде чем тело пойдет ко дну.

– Хороша водичка, да? – выдавил он из себя хрипло.

Пок кивнул.

Чак подгреб чуть ближе. Они были уже совсем рядом, как вдруг Пок скрылся под водой. Скрылся, будто не было, осталась только легкая рябь.

Выругавшись про себя, Чак ждал, глаза его шарили по поверхности канала. Вдруг чьи-то крепкие пальцы обхватили его лодыжки, и его потянуло вниз, вода ворвалась в рот, в ноздри. Он отчаянно задергался, заколотил ногами; наконец хватка ослабла, пальцы на его лодыжках разжались. Он выскочил на поверхность, отплевываясь и глотая ртом воздух. Проморгавшись, он увидел Пока: тот спокойно уплывал от него. А нож, прихваченный лентой к кисти, исчез!

Ошалев от гнева, позабыв об осторожности, Чак яростно погреб к берегу, но Пок без труда его опередил. Он уже стоял в независимой позе, когда Чак, карабкаясь, только вылезал из воды.

Чак, снедаемый яростью, бешеным быком пошел на Пока: голова втянута в плечи, пальцы – словно щупальца-крючья. Пок уклонился от нападения и тут же ловкой подножкой лишил Чака точки опоры – тот рухнул как подкошенный. В ту же секунду Пок навалился на него. Прижал к земле, надавил коленом на грудь, и в руке индейца Чак увидел собственный нож. Острое, словно бритва, поблескивавшее лезвие прикоснулось к горлу Чака.

Чак похолодел. Он посмотрел в блестящие черные глаза и с ужасом понял: вот сейчас жизнь вытечет из него тонкой струйкой.

Пок не сводил с него глаз, острие ножа покалывало кожу.

– Ты хотел убить меня? – негромко спросил он. – Только не ври! Говори правду!

– Я хотел забрать деньги, – выдохнул Чак.

– Тебе так нужны деньги, что ты готов убить человека?

Они посмотрели друг на друга, потом Пок встал и отошел на пару шагов. С трудом поднялся на ноги и Чак. Его трясло, по лицу струился пот.

– Тебе нужны мои деньги? – спросил Пок. – Забирай, если сможешь. – Он похлопал по пластиковому поясу. – Здесь двести двадцать долларов. – Он посмотрел на нож и, держа его за лезвие, протянул рукояткой к Чаку. – Держи.

Ошарашенный, Чак выхватил нож. Пок спокойно смотрел на него.

– Забирай мои деньги, если сможешь.

Чак посмотрел на индейца. Эти блестящие глаза, эта неподвижность... будто кобра изготовилась к прыжку. Чак испугался – и не выдержали нервы. Нож выскользнул из его пальцев и упал на траву.

– Значит, все-таки не дурак, – попытожил Пок. – Иди умойся. От тебя воняет.

Присмиривший Чак взял кусок мыла, который протянул ему Пок, и пошел к воде. Он мылся и вытирался. Пок тем временем успел одеться, присел на бережок и закурил сигарету. Он подождал, пока Чак натянет на себя свое грязное тряпье, потом жестом подозвал его.

Чак, словно загипнотизированный кролик, подошел и сел рядом.

– Я искал такого, как ты, – сказал Пок. – Человека без совести. Ты был готов ухлопать меня за двести двадцать долларов... а сколько ты убьешь за две тысячи?

Чак облизнул губы. Этому индейцу место в психушке. Он вспомнил, как нож едва не вонзился ему в горло, – и содрогнулся.

– Ты живешь как последняя свинья, – продолжал Пок. – Чумазый, вечно голодный, воняет от тебя хоть нос затыкай. Посмотри на меня! Если мне что-то нужно, я это беру. Я бреюсь, потому и украл бритву. Цыпленка с ветчиной украл в супермаркете. И деньги эти украл. – Он постучал себя по талии. – Двести двадцать долларов! Сказать, как я их украл? Очень просто. Человек меня подвез, а я его припугнул. Пистолетом. А когда человек испуган, он готов заплатить, лишь бы его оставили в покое. Я просто показал ему пистолет, а он выложил денежки. И никаких проблем. Страх заставляет богачей открывать бумажники и сумочки. – Он повернулся к Чаку и посмотрел на него в упор. – Я изобрел формулу, как внушить людям страх.

Чак понял только одно: связываться с этим индейцем опасно. Ведь явный же псих!

Из кармана рубашки Пок извлек пачку сигарет и протянул Чаку. Поколебавшись, тот вытянул сигарету и закурил.

– Расскажи мне о себе, – велел Пок. – Только без вранья. Ты мог бы мне пригодиться. Давай рассказывай.

– Пригодиться? Это как же?

У Чака возникло жутковатое ощущение: этот индеец не блефует. Две тысячи долларов!

– И что я должен делать?

– Для начала расскажи о себе.

Что ж, решил Чак, ничем особенным он не рискует. И стал рассказывать.

Грамоте он как следует не выучился. Читать умел, но писал с трудом. Мать была проституткой. Отца в глаза не видел. В восемь лет был главарем шайки пацанов, которые тибрили вещички в магазинах. Позже стал сутенером собственной мамыши. Ему все время не давали житья фараоны, и в конце концов одного из них пришлось убрать. Чаку тогда едва исполнилось восемнадцать. А фараона этого все в их квартале ненавидели лютой ненавистью. Чак подкараулил его и забил до смерти железным прутом. В двадцать он схлестнулся с одним субчиком, который вообразил, что сместит Чака с поста главаря шайки. Была драка на ножах, и верх одержал Чак. Тело узурпатора выкинули в цементомешалку, и его кости с плотью легли в фундамент нового трущобного поселения. Мать закончила жизнь трагически. Чак нашел ее с перерезанным горлом. Наследство она оставила небогатое – сто долларов. Что было делать Чаку? Он навсегда расстался с родным кварталом и стал бродяжничать. Пробродяжничал весь прошлый год, жил где придется, житье было не сахар, но он не очень-то огорчался, потому что все ему в этом мире было до лампочки.

Он выбросил окурок в канал.

– Вот и вся моя биография. Так что там насчет двух тысяч долларов?

– Значит, на тебе два убийства. – Пок внимательно посмотрел на него. – Если ты идешь ко мне в дело, придется убивать еще. Ты к этому готов?

– Лучше бы не подставляться, – сказал Чак после долгой паузы. – Так что насчет денег?

– Две тысячи – это будет твоя доля.

У Чака перехватило дыхание.

– И что за такие денежки надо делать?

– План у меня продуман до последней мелочи, он сработает, тут и думать нечего, но одному мне не управиться. Расскажи-ка о своей девчонке. Может пригодиться и она.

– Мег? – Чак пожал плечами. – Сбежала из дому. Телка подходящая. Больше мне про нее и сказать нечего.

– Может пригодиться и она.

Чак, сузив глаза, задумался. Потом неохотно покачал головой:

– С мокрым делом она связываться не будет.

– Мне нужна девушка. Это часть моего плана. Можешь ее уговорить?

– Откуда я знаю? Ты же не говоришь, что надо делать! Что за план-то?

Пок холодно посмотрел на него. От этого взгляда блестящих черных глаз Чаку опять стало не по себе.

– А ты точно хочешь знать?

– Что значит «точно»? Ясное дело, хочу!

– Ты только что сказал, что лучше бы не подставляться.

– За две тысячи долларов можно и высунуться. Ну, что за план?

Пок не спускал с него пристального взгляда:

– Если я тебе скажу, а потом ты вздумаешь отказаться, живым тебе отсюда не уйти. Этот план я вынашиваю давно. И если я тебе его открою, он уже не будет моей тайной, верно? Так что назад пути нет. Либо ты со мной, либо ты покойник.

В руке индейца появился тупоносый пистолет. Только что не было, и вдруг... как у фокусника. Чак отпрянул. Оружия он боялся.

– Так что решай.

Чак посмотрел на пистолет.

– Не хочешь – бывай здоров, найду кого-нибудь другого. Но если сейчас говоришь «да», потом не отказываться.

– Сколько я на этом заработаю? – спросил Чак, чтобы выиграть время.

– Я же сказал... две тысячи долларов.

– А эти убийства... все будет шито-крыто?

– Убить придется троих... все будет шито-крыто. План у меня надежный. Я и сам не собираюсь подставляться, но моя доля будет больше твоей.

Две тысячи долларов! Это же целое состояние!

– Я согласен! Давай рассказывай, – заявил он.

Пок убрал пистолет в карман.

– А девушка?

– Ее я беру на себя. Уговорю.

– Страх – вот ключ, который открывает бумажники и сумочки, – повторил Пок. – Я изобрел формулу, как внушить людям страх.

Коричневое неподвижное лицо, блестящие глаза, какое-то неестественное спокойствие... Чак едва не выкрикнул: «Не надо, ничего не говори!» Но снова подумал о деньгах и заставил себя промолчать.

По лбу его сбежала капля пота, скатилась по переносице и с носа сорвалась на подбородок.

Слушая план индейца, Чак понимал: да, тут и вправду можно здорово пожить.

– Нам нужна винтовка с оптическим прицелом, – сказал в заключение Пок. – Я знаю в Парадиз-Сити оружейного мастера, тут проблем не будет. Как только достанем винтовку – за дело.

– А ты Парадиз-Сити знаешь? – спросил Чак.

Странная, горьковатая улыбка заиграла на губах Пока.

– Да. Когда-то я там жил. Да, я его знаю.

В Чаке проснулось любопытство. Он выложил индейцу всю свою подноготную. Должен тот хоть что-то сказать о себе взамен?

– Ты там работал?

Пок поднялся:

– Сейчас на очереди – машина. – Он внимательно посмотрел на Чака. – Ты со мной?

Чак кивнул:

– С тобой.

– Поговори с девушкой. Если ты в ней не уверен, оставим ее здесь. Найдем другую.

– Ладно.

Пок направился в сторону шоссе. Чак посмотрел ему вслед, потом подобрал полотенце и с нелегким сердцем побрел к бесхозному дому.

Чак дал Мег выкупаться в канале, а когда она стала сушить волосы, подсел к ней на берегу.

Полчаса назад Мег, вся изведаясь от ожидания, накинулась на Чака: ну что, возьмет их Пок с собой в машину или нет?

– Иди умойся, – сказал ей Чак. – Потом поговорим.

Теперь, когда он сел рядом, она повторила вопрос:

– Мы едем с ним?

– Я – да, – ответил Чак, не глядя на нее.

Мег выронила полотенце. Она похолодела от страха.

– Ты – да? А я?

Чак вырвал горсть травы и подкинул ее в воздух.

– Пожалуй, дальше тебе лучше идти своей дорогой.

– Как это? – Мег приподнялась на колени. – Ты что же, меня бросаешь?

В глазах ее он увидел панику, но ухмылку скрыл. Откинулся на спину, сунул руки под голову и уставился в голубое небо.

– Понимаешь, крошка, мне такая жизнь обрыдла. Мне нужны деньги. – Из кармана рубашки он вытащил смятую пачку сигарет. – Курить будешь?

– Чак! Неужели ты хочешь от меня уйти?

Он не спеша закурил сигарету.

– Послушать можешь? Так вот, чтобы заработать по-крупному, надо рискнуть, – изрек он наконец, а Мег на коленях стояла рядом и со страхом смотрела на него. – Я не хочу ни во что такое тебя втягивать, вот и думаю, что нам с тобой лучше расстаться.

Мег закрыла глаза:

– Выходит, я тебе больше не нужна... я тебе надоела?

– Я разве это сказал? – Чак глубоко затыкнулся, потом выпустил дым через ноздри. – Ты что, не слышишь меня? Я же о тебе забочусь. Ты мне нравишься, и в опасное дело я втравливать тебя не хочу. Терять тебя мне неохота, но у тебя на это просто духа не хватит, так что лучше расстаться.

– На это? На что именно... на это? – почти завизжала Мег.

– Пок собирается проверить один ловкий номер. Ему для этого нужен я и еще девушка. – Чак был доволен собой – разговор он построил правильно. – Только дело может и не выгореть. И загремишь ты в тюрьму на двадцать лет.

Мег похолодела. Значит, они замышляют какое-то преступление! Она была с Чаком уже два месяца, и хотя он часто болтал о воровстве, дальше разговоров дело не шло. Не шло, потому что свою роль сыграла она. Мег всякий раз умоляла его не красть, хотя порой им здорово подводило желудки. И сейчас она поняла: Чак попал под влияние этого индейца! Тот своими рассказами толкает Чака к пропасти!

– Чак! – Мег схватила его за руку. – Бежим отсюда, пока он не вернулся! Он же сдвинутый. Я вижу. Устроимся где-нибудь на работу. Пока ведь обходились. Я буду для тебя все делать... я...

– Да заткнись ты! – огрызнулся Чак. – Я еду с ним, так что давай мне концерт с рыданиями не закатывай. А на работу устраивайся сама... если нравится. Ты что, до конца жизни хочешь гнуться в три погибели на солнце, собирая эти чертовы апельсины? Тогда на здоровье – дорога открыта!

Мег поняла: Чака не сдвинешь. И тут же вся затряслась от отчаяния. Собирать апельсины? Либо это, либо домой! А дома... родители, завтрак, обед и ужин, опостылевшие занятия, утром подъем, потом на работу к отцу, там до одурения стучать на машинке, вечером баиньки, а с утра снова подъем – и так до бесконечности.

– А тебе тоже дадут двадцать лет? – спросила она.

Чак смял сигарету.

– Конечно, если проколемся, только не проколемся мы, да и вообще мне это до лампы! Я хочу быстро взять большие деньги, и тут мы их возьмем! Пок говорит, что тебе он заплатит пять сотенных. Он считает, что ты за эту работу возьмешься, а я – что нет. Я ему сказал, что такие раскрутки не для тебя. – Он поскреб бороду. – У тебя для этого кишка тонка.

Перспектива разбогатеть оставила Мег равнодушной, но вот остаться одной... После двух месяцев с Чаком жизни без него она себе просто не мыслила.

– Что мне придется делать?

Чак отвернул голову, чтобы она не увидела в его глазах искры триумфа.

– Что скажут. Пойми, крошка, чем меньше обо всем будешь знать, тем безопаснее и для тебя, и для меня. Мы тебя берем при одном условии: ты беспрекословно выполняешь все распоряжения и не задаешь никаких вопросов. Твоя доля – пятьсот долларов. Как только снимем пенку, мы с тобой сматываем удочки – и в Лос-Анджелес!

– Но, Чак, это нечестно! Как же так! Я даже не знаю, на что соглашаюсь! – Мег застучала стиснутыми кулачками по коленкам. – Сам говоришь, что я на двадцать лет могу загреметь в тюрьму, а в чем дело – не рассказываешь... Так нечестно!

– Ты права, но таковы условия. – Чак поднялся на ноги. – Никто тебя, крошка, не неволит, можешь не соглашаться. У тебя еще есть время подумать. Мы с Поком снимаемся через полчаса. Так что ехать с нами или нет – решай сама.

Он был уверен: никуда не денется.

Он зашагал было прочь, но тут услышал:

– Чак!..

– Ну что?

– А ты ему доверяешь?

– Я не доверяю никому, в том числе и тебе, – отрезал Чак. – И никогда не доверял, но знаю: тут можно здорово пожить. И другое знаю: большой куш мы с ним сорвем быстро, а на остальное я чихал. На раздумье тебе полчаса. – Он внимательно посмотрел на нее. – И запомни, крошка: если ты уж с нами, значит с нами... назад хода нет... понимаешь? – С этими словами он ушел.

Мег долго сидела и смотрела на поблескивавшую воду канала. Пок наполнил ее душу страхом. От него исходило нечто зловещее, да и тронутый он. И если она сейчас скажет «нет» – Чак для нее потерян. Ну что ж, сказала она себе наконец, уж если станет совсем неспособна, она всегда сможет наложить на себя руки. Если что ей по-настоящему и принадлежит, так это собственная жизнь. Единственное ее достояние. Глотаешь горсть таблеток, лезвием по кистям – и привет... что угодно, лишь бы не остаться здесь без Чака, без гроша денег, совсем одной.

Она встала и пошла к бесхозному дому. Чак уже упаковал рюкзак и сидел на верхней ступеньке лестницы, во рту торчала сигарета. Он взглянул на нее, в табачном дыму его маленькие глазки будто чуть косили.

– Сейчас соберусь, – сказала она. – Я уеду с вами.

– Будешь делать все, что тебе скажут... без вопросов?

Она кивнула.

Ухмылка Чака вдруг превратилась в теплую и дружелюбную улыбку.

– Ну и отлично. Знаешь что?

– Что?

– Мне ведь терять тебя совсем неохота.

К горлу Мег подкатил ком, она едва не расплакалась. В жизни она не слышала ничего более приятного. Ее бледное, исхудавшее лицо засветилось, и Чак понял: он сказал именно то, что надо. Он встал, и она кинулась ему в объятия. Облапив Мег, Чак крепко притиснул ее к себе.

– Чак... Но ты уверен, что дело выгорит? – Ее бил озноб. – Мне страшно. Этот индеец... он же сдвинутый... Я чувствую.

– Положись на меня, крошка. Я с ним разберусь. Иди пакуйся.

Через двадцать минут к ним на старом «бьюике» с откидной крышей подрулил Пок Тохоло. Машина была слегка обшарпанная, но хромированные детали блестели, как новенькие. Неприметная машина: темно-синяя, с темно-синим верхом, выцветшими сиденьями из красной кожи; в многотысячном потоке машин, что проносятся по шоссе 4, она, безусловно, не привлечет ничего внимания.

Увидев, что Чак и Мег сидят на ступенях с рюкзаками, Пок понял: свою партию Чак разыграл как надо. Он вышел из машины и подошел к ним.

– Все в порядке? – спросил он, глядя на Мег.

Она кивнула, внутренне съежившись под взглядом его черных блестящих глаз.

Тогда он повернулся к Чаку:

– Первую остановку делаем в Фулфорде. Сбреешь бороду и пострижешься. В Парадиз-Сити мы должны выглядеть прилично – уважаемые люди приехали отдохнуть. И шмотки тебе придется постирать.

Чак недовольно поморщился. Своей бородой и патлами он гордился.

– Ладно, – согласился он, пожав плечами. – Как скажешь.

Подхватив два рюкзака, они с Поком пошли к машине.

Мег еще долгую минуту сидела, поджариваясь на солнце, но вот Пок завел двигатель, и она, беспомощно поведя плечами, забралась в машину.

Глава вторая

Детектив первого класса Том Лепски решительным шагом вошел в комнату детективов полицейского управления Парадиз-Сити, поглядывая на окружающих свысока, будто в нем было десять футов роста. Только день назад он получил долгожданное повышение; для этого ему пришлось изрядно попотеть в чине детектива второго класса целых полтора года. И такое событие он, конечно же, не мог не отметить. Жене Кэрролл он купил орхидею и повел ее в дорогой ресторан, там принял умеренную дозу спиртного, а завершился вечер и вовсе бесподобно: в постели Кэрролл одарила его ласками, сравнимыми разве что с временами их медового месяца.

Лепски, высокий и поджарый, с холодными как сталь голубыми глазами, был честолюбивым и сметливым полицейским, хотя его мнение о своих достижениях не отличалось полной объективностью.

Сержант Джо Биглер, старейший среди детективов Парадиз-Сити, разбирался с утренней сводкой по городу. Увидев Лепски, он откинулся на стуле и с тяжелой иронией изрек:

– Ну, теперь город в безопасности. Бери стул, Том. Пойду брошу чего-нибудь на зуб.

Чужую иронию Том всегда пропускал мимо ушей, он подпернул манжеты и подошел к столу Биглера:

– Отдыхайте, сержант. Я тут управлюсь. Как Фред, не звонил?

Сержант Фред Гесс из отдела по расследованию убийств лежал в больнице со сломанной ногой. На нем держался весь отдел, и только поэтому он не стал посмешищем всего управления. У Гесса был шестилетний сын, Фред Гесс-младший; на Малбери-авеню, где они жили, его величали «маленьким злодеем». Мальчишка озорства ради зашвырнул на дерево котенка сварливой вдовы-старухи. Гесс, вместо того чтобы повиниться перед вдовой за сына, на глазах у восхищенных соседей полез вызволить котенка. Сук надломился, Гесс грохнулся и сломал ногу. Котенок, понятное дело, соскочил вниз без посторонней помощи, а Фред Гесс-младший стоял над стонущим отцом, злодейски ухмыляясь, – мол, было из-за чего огород городить. Разгневанный отец хотел оттащить сорванца за ухо, но тот оказался еще и проворным – успел дать стрекача.

– Фред? – Биглер ухмыльнулся. – Он там совсем опозорился. Сестры на него жалуются: мол, кроет всех и вся на чем свет стоит. Но поправляться он поправляется. Через пару недель будет как огурец.

– Я ему позвоню, – сказал Лепски. – Пусть там не переживает. Узнает, что все его дела веду я, – сразу успокоится.

Биглер встревожился:

– Лучше не надо. Мы же хотим, чтобы он вернулся побыстрее. А от такого звонка у него давление поднимется.

Когда Биглер вышел, Лепски посмотрел на детектива второго класса Макса Джекоби, который едва сдерживал улыбку.

– Слышал? – спросил он. – Как считаешь, Джо мне завидует?

– Естественно, Том. Тебе все завидуют, даже я.

– Ну да? – Лепски был польщен. – Впрочем... – Он пожал плечами. Жизнь есть жизнь. Придется к этому привыкать. – Что новенького?

– Ничего. Тишь да гладь.

Лепски поудобнее устроился на стуле.

– Мне бы сейчас какое-нибудь смачненькое убийство... на почве секса. Пока Фред там отлеживается, я мог бы сорвать банк. – Он зажег сигарету, затянулся и уставился в пространство. – Фред, конечно, не дурак, но ведь и я не лыком шит. Жена уже подзуживает: «Давай, –

говорит, – теперь тяни на сержанта». Эти женщины, вечно им мало. Меня же только что повысили. – Он вздохнул, покачал головой. – Тебе легче, ты не женат.

– Это точно! – с чувством подтвердил Джо. – Свобода дороже всего!

Лепски хмуро покосился на него:

– Да я совсем не против семьи. Своих плюсов хватает. Ты парень в расцвете сил, самое время жениться. Ты...

Зазвонил телефон.

– Чувствуешь? – Лепски самодовольно улыбнулся.

– Стоило мне появиться, работенка тут как тут. – Он цапнул трубку. – Полиция. Детектив первого класса Лепски слушает.

Джекоби прыснул в кулак.

– Позовите сержанта Биглера, – пролаял мужской голос.

– Смена сержанта Биглера кончилась, – ответил Лепски, нахмурившись. Что это еще за тип? Почему это он предпочитает ему Биглера? – А в чем дело?

– Говорит Хартли Данвас. Капитан Террелл там?

Лепски выпрямился.

Хартли Данвас был не только экспертом окружного прокурора по баллистике, ему принадлежал шикарный магазин охотничьего оружия, где отоваривались все местные богачи; в городе он был важной шишкой, к тому же личным другом шефа Лепски.

– Нет, мистер Данвас, шефа пока нет, – сообщил Лепски, жалея о том, что вообще поднял трубку. – Я могу вам чем-то помочь?

– Живо пошлите сюда кого-нибудь потолковее! Ко мне вломились воры! – рявкнул Данвас. – Передайте капитану Терреллу – пусть едет сюда, как только появится.

– Хорошо, мистер Данвас, – заверил Лепски. – Уже выезжаю, мистер Данвас. – И он повесил трубку.

– Так это был мистер Данвас, – присвистнул Джекоби, сразу посерьезнев.

– Да... Неприятности. Звони шефу. Данваса ограбили. – Он поднялся, да так стремительно, что стул грохнулся на пол. – Скажи ему, что Данвас рвет и мечет, требует его немедленно, а я понесся туда. – И дверь за ним захлопнулась.

Хартли Данвасу было лет пятьдесят пять. Этот высокий, сухой и чуть сутулый мужчина держался самоуверенно и надменно, как и полагается миллионеру.

– А кто вы такой, черт подери! – возмутился он, когда Лепски вошел в его такой роскошный, что даже дух захватывало, кабинет. – Где Биглер?

«Ишь распоясался, – подумал Лепски, – только со мной этот номер не пройдет». Пусть этот наглец хоть десять раз шишка, но Лепски, между прочим, детектив первого класса.

– Меня зовут Лепски, – ответил он своим самым полицейским голосом. – Что там насчет взлома?

Данвас покосился на него:

– Да, я о вас слышал. Террелл приедет?

– Его предупредили. Если это всего лишь взлом, я управлюсь и сам. Шеф занят.

Данвас неожиданно улыбнулся:

– Да... Разумеется. – Он поднялся на ноги. – Идемте.

Он провел Лепски через большой магазин, спустился вниз и отпер комнату-склад:

– Залезли здесь.

Лепски взглянул на небольшое забранное стальной решеткой окошко. Решетка была выдрана и торчала торчком из цементного основания.

– Стальной трос, крюк и машина, – пояснил Лепски. Через окошко он увидел узкую аллею, ведущую к автостоянке. – Проще пареной репы. Что они взяли?

– Вот как они сюда забрались? – Данвас посмотрел на Лепски с некоторым уважением. – Забрали одну из моих лучших снайперских винтовок: ручная работа, с оптическим прицелом, глушителем, стоит пятьсот шестьдесят долларов.

– Еще что-нибудь пропало?

– Ящик с сотней патронов для винтовки.

– Где хранилась винтовка?

– Сейчас покажу.

Данвас, а следом за ним и Лепски вернулись в магазин.

– Здесь, – сказал Данвас, остановившись около узкой стеклянной витрины, установленной прямо на прилавке. – Достать ее оттуда – дело нехитрое. Поднимаешь стеклянную крышку – и все. Я тут ничего не трогал. Может, остались отпечатки пальцев.

– Угу. Сейчас подошлю сюда наших ребят, мистер Данвас, пусть ищут отпечатки, – сказал Лепски, но, глянув на надраенный до блеска стеклянный ящик, сразу понял: толку от этого не будет. Человек, забравший винтовку, был в перчатках.

Часа два спустя шеф полиции Террелл вызвал к себе в кабинет Биглера и Лепски, они сидели и потягивали кофе.

– Никаких улик, никаких отпечатков... тут работал профессионал, – пробурчал Биглер, прочитав отчет Лепски. – Видно, парень знал, за чем пришел. Там ведь были винтовки и подороже, а он взял именно эту.

Террелл, грузноватый мужчина со стальной сединой в волосах, потер массивный подбородок:

– У Данваса в основном оружие для спортивной стрельбы. А эта винтовка – снайперская. Почему взяли именно ее?

Лепски нетерпеливо повел плечами:

– Игрушка-то непростая: тут тебе и оптический прицел, и глушитель. Может, какой-нибудь щенок увидел ее, вот у него руки и зачесались. Данвас сказал, что месяц назад эта винтовка стояла в оконной витрине.

Террелл кивнул:

– Может, и так, только ведь для убийцы такая винтовка – просто находка. Я все же думаю, это какой-нибудь мальчишка.

– Если так, то замашки у него профессиональные, – вставил Биглер.

– И что? Сейчас любой сосунок знает, что на дело надо надевать перчатки, знает, как выдернуть оконную решетку, – по телевизору и не такого насмотришься, – парировал Лепски.

– Дайте сообщение в газеты, – распорядился Террелл. – Толку от этого, скорее всего, не будет, но о краже пусть напишут и фотографию винтовки напечатают... У Данваса она наверняка есть.

Когда Лепски вернулся к своему столу и начал крутить диск телефона, Биглер сказал Терреллу:

– Может, Том и прав... попалась эта винтовка на глаза какому-то сопляку, и он не удержался.

Террелл задумался. Вспомнил, как мальчишкой по субботам ходил в магазин Данваса – тогда хозяином был отец Хартли, – как глазел на снайперскую винтовку – вот бы ему такую. Он мечтал об этой винтовке недели три, а потом эти мечты из головы как метлой вымело. Не исключено, какой-нибудь мальчишка мечтал вот так же – и не выдержал.

– Будем надеяться, что он прав, только не нравится мне это. Винтовка с оптическим прицелом – оружие для убийцы.

Дин Маккьюэн был президентом корпорации «Флорида кэннинг энд гласс». Этот концерн с оборотом в миллион долларов поставлял упаковку флоридским садовникам и зеленщи-

кам. Маккьюэн, высокий и седовласый, с испытанным лицом, сам никогда не сидел сложа руки и подчиненных гонял, в итоге кое-чего в этой жизни добился. Он был трижды женат: все жены от него уходили, не в силах вынести его буйный нрав, образ жизни и непомерные требования.

Маккьюэн жил по часам. Поднимался в 7:00: полчаса проводил в спортзале в подвальном этаже своего роскошного дома, который утопал в цветущих садах площадью два акра; в 7:31 принимал душ, в 9:03 садился в «роллс-ройс» и уезжал на работу. Таков был распорядок его дня, который никогда не нарушался.

Проработавшая у него три года секретаршей Марта Делвин прекрасно знала: он не опаздывает ни на секунду, и когда в это ясное летнее утро он по широкой лестнице спустился к завтраку, она, не глядя на часы, определила: сейчас без одной секунды 8:00.

Тридцатишестилетняя высокая брюнетка с обыденной внешностью, Марта Делвин ждала его у стола, держа в руке утреннюю почту.

– Доброе утро, мистер Маккьюэн, – сказала она и положила почту на стол.

Маккьюэн кивнул. Он был не из тех, кто тратит слова впустую. Он сел, положил на колени салфетку, а Токо, его японский Пятница, разлил по чашкам кофе и принес омлет и телячьи почки.

– В почте что-нибудь есть? – спросил Маккьюэн, прожевав почку.

– Важного ничего, – ответила Марта. – Обычные приглашения. – Она сделала паузу, поколебалась секунду, потом добавила: – Есть, правда, одна странная вещь...

Маккьюэн проткнул вилкой еще одну почку, потом нахмурился:

– Странная? Вещь? Как это понять?

Она положила перед ним половинку листа дешевой писчей бумаги:

– Это было в почте.

Маккьюэн достал свои двухфокусные очки, надел их и вперился глазами в листок. Крупными буквами было написано следующее:

Упокой господь душу твою

9:03

ПАЛАЧ

– Это еще что за чертовщина? – раздраженно вскричал Маккьюэн.

Токо, стоявший за стулом Маккьюэна, поморщился. По тону хозяйского голоса он понял: утро начинается плохо.

– Не знаю, – ответила Марта. – Решила, что надо вам это показать.

– Зачем? – окрысился на нее Маккьюэн. – Разве не видите, что это писал псих? На кой черт вы это мне подсунули? Специально, чтобы испортить завтрак, не иначе. – И он смахнул листок бумаги на пол.

– Извините, мистер Маккьюэн.

Маккьюэн круто развернулся и накиннулся на Токо:

– Тост холодный! Все утро спишь! Принеси еще!

В 9:03, закончив диктовать и все еще негодуя, Маккьюэн с напыщенным видом вышел на улицу, где его ждал «роллс». Ярко светило солнце.

У дверцы машины, держа фуражку под мышкой, его ждал Брант, пожилой, изрядно натерпевшийся от своего хозяина шофер. У верхнего основания солидных ступеней остановилась Марта Делвин, вышедшая проводить Маккьюэна.

– Вернусь в шесть. Сегодня с визитом приедет Халлидей. Обещал в половине седьмого, но вы его знаете не хуже меня. Пунктуальностью он никогда не отличался...

Эти слова оказались последними в жизни Дина К. Маккьюэна. Жуткое воспоминание о следующей секунде навсегда врезалось Марте в память и не раз терзало ее по ночам. Она стояла рядом с Маккьюэном, и вдруг на ее глазах лоб его превратился в губчатое месиво из крови и

мозговой мякоти. Небольшой комочек его мозга шлепнулся ей в лицо и пополз по щеке. Кровь его брызнула на ее белую юбку. С тяжелым стуком он рухнул на мраморные ступени, от удара раскрылся чемоданчик, и оттуда высыпалось все содержимое.

Парализованная от ужаса, она смотрела, как катится по ступеням плотное, крепкое тело Маккьюэна, а по лицу ее ползло что-то омерзительное, скользкое... И она зашлась в безумном крике.

Доктор Лоис, полицейский врач, спустился по ступеням в холл, где его ждали Террелл, Биглер и Лепски.

Лоис был невысоким лысеющим толстяком, на лице крапинки веснушек. Террелл уважал в нем профессионала.

Звонок раздался, едва Лепски положил трубку после разговора с представителями прессы насчет похищенной винтовки. Звонил Стив Робертс из патрульной машины, он услышал крики в доме Маккьюэна и выяснил, что там случилось. Услышав его отчет, Террелл, Биглер и Лепски кинулись по ступеням в свою машину, а Джекоби было велено позвонить в отдел по расследованию убийств. В том, что произошло убийство, Террелл не сомневался, такого в Парадиз-Сити не случалось уже давно, и убили одного из самых влиятельных жителей города.

Они приехали на место происшествия вместе с каретой «скорой помощи», а еще через пять минут появился доктор Лоис.

Сейчас «скорая» с телом Маккьюэна уже уехала в морг.

– Как секретарша? – спросил Террелл.

– Я дал ей успокоительное, – ответил доктор Лоис, останавливаясь у основания ступенек. – Допрашивать ее нельзя по меньшей мере сутки. Она в тяжелом шоке.

Террелл не удивился: он уже выслушал полицейского, видел тело Маккьюэна.

– Есть какие-нибудь соображения, док?

– Стреляли из мощной винтовки. Сейчас поеду в морг – вытащить пулю. Могу спорить, что это классная снайперская винтовка с оптическим прицелом.

Террелл и Биглер переглянулись.

– А угол стрельбы?

– Стреляли сверху.

Террелл с Лоисом вышли на террасу. Внимательно оглядели открывавшийся им вид.

– Вон оттуда, – решил Лоис, махнув жирной ручкой. – Я снимаюсь. Это уже по вашей части. – И он уехал.

К Терреллу подошел Биглер.

Они старались смотреть вперед. Принадлежавший Маккьюэну участок обрамляли большие каштановые деревья, за ними виднелось шоссе, дальше – свободное пространство, а в отдалении – жилой дом с плоской крышей.

– Ничего себе выстрел, – заметил Биглер. – Если оттуда.

– Но больше вроде и неоткуда... посмотри вокруг. – Террелл повел рукой. – Слышал, что сказал Лоис: классная снайперская винтовка с оптическим прицелом... Вполне возможно, это винтовка Данваса.

– Угу. Как только Лоис достанет пулю, все станет ясно.

– Том! – Террелл повернулся туда, где ждал распоряжений Лепски. – Возьми ребят, сколько сочтешь нужным, и прочеши этот дом. Проверь крышу и все пустые квартиры. Если пустых квартир нет, проверьте все квартиры без исключения. В общем, вас учить не надо.

– Есть, шеф.

Взяв четверых сотрудников из отдела по расследованию убийств, Лепски уехал вместе с ними в сторону видневшегося вдали многоэтажного дома.

– Пойдем поговорим с шофером и с японцем, – распорядился Террелл.

– Смотри, уже принесла нелегкая, – сказал Биглер и застонал.

Из подкатившей машины вылезал высокий седовласый мужчина. Кто-то сказал однажды ему, что он похож на киноактера Джеймса Стюарта, и с тех пор он всячески «работал» под эту знаменитость. Звали его Пит Хэмилтон, он вел уголовную хронику в местной газете «Парадиз-Сити сан» и на городском телевидении.

– Возьми его на себя, – едва шевеля губами, процедил Террелл. – Про винтовку – ни слова. Прикинься дурачком. – И он вернулся в дом.

Херберту Бранту, шоферу Маккьюэна, сказать было нечего. Он еще не оправился от потрясения, и Террелл быстро понял, что лишь зря потратит время, а вот Токо, слуга-японец, не видевший убийства, полностью держал себя в руках. Он передал Терреллу листок, который Маккьюэн так презрительно смахнул со стола. Обрисовал облик своего хозяина – его нравы и привычки. Эти сведения оказались очень полезными.

Биглеру с Хэмилтоном повезло куда меньше.

– Хорошо, хорошо... Я знаю, это случилось только что, – нетерпеливо говорил Хэмилтон, – но какая-то версия у вас должна быть? Маккьюэн – фигура заметная. И его убили... как Кеннеди! Да в нашем городишке такого события уже несколько лет не было, неужто вы этого не понимаете?

– Согласен, это событие, – отвечал Биглер, отправляя в рот полоску жевательной резинки. – Но при чем тут Кеннеди? Маккьюэн вовсе не президент США.

– Так вы мне что-нибудь скажете или нет? – рассердился Хэмилтон.

– Если бы что-нибудь было, Пит, обязательно бы сказал, – ответил Биглер назидательно. – Но пока у нас ничего нет.

– А снайперская винтовка, которую украли у Данваса... может, она и есть орудие убийства?

Биглер пожал плечами:

– Об этом можно только гадать. Эту версию мы прорабатываем.

– Когда у вас будет что мне сказать?

– Через пару часов. После полудня в управлении проведем пресс-конференцию.

Хэмилтон окинул Биглера пристальным взглядом, но тот и бровью не повел.

– Ладно... Это все?

– Пока все.

Хэмилтон сбежал по ступенькам к своей машине. Биглер посмотрел ему вслед, потом пошел в дом – узнать, как успехи у Террелла. Тот, стоя, выслушивал рассказ Токо. Наконец Токо выговорился, и Террелл его отпустил. Оставшись с Биглером наедине, Террелл показал ему записку, которую передал Токо.

Биглер изучил ее, потом выругался сквозь зубы:

– Псих.

– А может, для отвода глаз.

Оба знали: именно психи с оружием – убийцы наиболее ловкие и изворотливые, загнать их в угол труднее всего.

Биглер сунул листок в пластиковый конверт:

– Отвезу это ребятам в лабораторию. – Он зашагал было к машине, потом остановился. – У Хэмилтона, как всегда, ушки на макушке. Выспрашивал про украденную винтовку. Боюсь, нас ждет солидная реклама.

– Похоже.

Через пять минут после их отъезда к дому Маккьюэна снова подрулил Пит Хэмилтон. Он поговорил с Токо, фотограф сделал несколько снимков, и они уехали, едва не столкнувшись на подъездной дорожке с двумя газетчиками-конкурентами.

В 11:00 Хэмилтон уже выступал в программе теленовостей. На экране – фотографии украденной винтовки. Потом жилище Маккьюэна, в отдалении – многоэтажный дом. Вперившимся в свои телевизоры обывателям Хэмилтон рассказал о записке от Палача.

– Кто этот человек? – задал он вопрос. – Нанесет ли он удар снова?

Мотель «Добро пожаловать» стоял на проселочной дороге, слегка в стороне от шоссе 4, в трех милях от Парадиз-Сити. Пятнадцать обшарпанных коттеджей, каждый с собственным гаражом, принадлежали миссис Берте Харрис, муж которой погиб еще в корейскую войну.

Берта, полнотелая и немного кургузая женщина, готовилась разменять седьмой десяток. Мотель был источником ее существования. На то, чтобы подхарчиться, хватало, как говаривала сама Берта, а поскольку еда ее интересовала в первую очередь, мотель вполне можно было считать предприятием успешным.

Как правило, ее клиенты останавливались всего на одну ночь, и поэтому она была приятно удивлена, когда прошлым вечером к мотелю подкатил запыленный «бьюик» и приличного вида обходительный индеец сказал ей, что у него с друзьями отпуск и не могли бы они снять два домика на неделю, а может, и дольше?

К ее вящему удовольствию, индеец принял ее цену безо всякой торговли. Он согласился на ее условия с такой готовностью, что она даже обругала себя: надо было просить больше. Приятным было и то, что индеец заплатил за оба домика вперед, правда друзья его – парень и девушка – почему-то оказались белыми; впрочем, ей что до этого?

В книге регистрации индеец записался как Харри Льюкон, а парочка оказалась мистером и миссис Джек Аллен.

Они пошли в ресторан, где заправлял цветной помощник Берты по имени Сэм, негр с шапкой курчавых волос; в свои восемьдесят пять он умудрялся поддерживать в коттеджах относительную чистоту и в случае надобности мог приготовить наводящую уныние пищу, что, впрочем, случалось редко. Поужинав хлипкими гамбургерами и клейким яблочным пирогом, запив все это шипучкой, троица отправилась спать, и Берта о ней забыла.

В 22:00 разошлись по домикам и другие три ее гостя – пожилые коммивояжеры. В мотеле воцарилась тишина. Но перед этим Пок Тохоло тихонько постучал в дверь домика Чака, и с минуту они о чем-то шептались, а Мег безуспешно пыталась подслушать их разговор. Потом Чак велел Мег идти спать, а сам вместе с Поком сел в «бьюик», и они отправились в сторону Парадиз-Сити.

По городу Пок вел машину так уверенно, что Чак сразу понял: Парадиз-Сити индеец знает как свои пять пальцев. Они два раза объехали вокруг торгового центра, и лишь тогда Пок объяснил, что им сейчас предстоит.

Он уже все подготовил. Под задним сиденьем у него лежал стальной крюк и длинный стальной трос. Вырвать решетку, защищавшую окно складской комнаты оружейного магазина, оказалось детской забавой.

Пока Чак, нервничая и слегка потев, стоял на стреме в темной аллее, Пок проскользнул в окно. Минуту спустя он передал Чаку снайперскую винтовку, оптический прицел и коробку с глушителем. Все это Чак положил под сиденье машины.

Они вернулись в мотель.

– Иди спать, – сказал Пок, когда машина остановилась около домика Чака. – Ей ни слова... понял?

Чак вылез из машины.

– А ты что будешь делать?

– Узнаешь, – спокойно ответил Пок, нажал на газ, и машина скрылась в темноте.

Мег лежала в постели, но не спала, ждала Чака – одолевали тревожные мысли. Он стал раздеваться.

– Где ты был? – спросила она.

Он скользнул под одеяло, потянулся к ней.

– Где ты был? – повторила она, отпихиваясь от него. – Нечего меня жать! Ты даже не умылся, поросенок несчастный! Даже зубы не почистил!

– Подумаешь, – отозвался Чак и перевернул ее на спину.

Проспали они до 9:50. Разогревая кофе, Мег через окно увидела, как подъехал Пок и поставил машину в гараж.

– Его всю ночь не было? – спросила она, разливая кофе в чашки.

– Спроси его самого, – буркнул Чак.

Она сразу заткнулась.

Потом Чак побрился, принял душ, а Мег тем временем смотрела по телевизору рекламу.

Намыливая лицо, Чак думал о Поке. Они украли винтовку. Всю ночь Пока не было. А ведь он сказал: будет три убийства. Под ложечкой у Чака засосало – вдруг Пок уже пустил винтовку в дело?

Он причесывался, когда на телеэкране появился Пит Хэмилтон и начал рассказывать об убийстве Маккьюэна. Он показал записку, полученную Маккьюэном, и в эту минуту Чак вышел из душа.

– Слушай! – воскликнула Мег в возбуждении.

«Итак, среди нас завелся убийца... может быть, убийца-сумасшедший, – говорил Хэмилтон. – Этот человек называет себя Палачом. Но каковы его мотивы? И ждать ли нам нового убийства? Вчера вечером из известного оружейного магазина была похищена снайперская винтовка... из магазина Данваса. Не из нее ли убили Маккьюэна? Вот фотография винтовки, оснащенной оптическим прицелом и глушителем».

Появился новый снимок, и Чак вздрогнул.

«Посмотрите внимательно на этот снимок, – продолжал Хэмилтон. – Если вы уже видели эту винтовку, если вы видели ее в чьих-то руках, немедленно сообщите об этом в полицейское управление. Дин К. Маккьюэн был одним из самых известных наших горожан. Он...»

Чак выключил телевизор.

– Делать нам больше нечего, – сказал он как можно более беззаботно. – Поехали, посмотрим на город.

Мег не сводила с него глаз. Он побледнел, на лбу выступили бусинки пота, глаза бегали. Она похолодела.

– Что случилось?

Чак натянул рубашку.

– Случилось? Ничего не случилось. Ты что, не хочешь посмотреть город?

– Это убийство... этого человека... Палач... К нам ведь это не имеет отношения, правда, Чак?

Чак натянул брюки.

– Спятила, что ли? К нам?

Но глаза отвел в сторону.

– Что же тогда на тебе лица нет? Это имеет к нам отношение? – Мег отшатнулась от него. – Где он шлялся всю ночь? Деньги, что он нам обещал, они откуда?

Чак понял: настал критический момент. Что называется, сейчас или никогда.

– Ну хватит! – взъярился он. – Пакуй свои вещички! Тебя предупреждали! Чтобы никаких вопросов, так? А теперь все, привет! Катись! Пакуй свои дурацкие шмотки! Катись!

Мег съехала и беспомощно взмахнула руками, протянула их к нему:

– Нет! Идем вместе, Чак! Он злодей! Я точно знаю! Идем вместе!

– Слышала, что я сказал? Пакуй шмотки! И проваливай!

Она села на неприбранную постель, обхватила руками голову.

– Не могу я одна, Чак... Хорошо... ни о чем спрашивать не буду. Только не гони.
Прижав ухо к деревянной стене своего коттеджи-ка, хлипкой и тонкой, Пок Тохоло внимательно слушал.

Чак знал, что победа на его стороне, но сейчас самое время поставить ее на место.

– Ты мне надоела, – заявил он. – Баб кругом полно, найду другую. Так что лучше дуй отсюда. Давай... пакуй вещички!

Она почти пресмыкалась перед ним:

– Пожалуйста, Чак... мне все равно. Ни о чем больше не спрошу. Мне самое главное – чтобы с тобой.

Он прошелся по комнате, будто бы охваченный сомнениями:

– Поговорю с Поком. Таить от него я не буду. Так что, может, тебе все-таки лучше смотреть удочки.

Мег подскочила и схватила его за руку:

– Нет, ему не говори! Обещаю! Клянусь, больше ни словечка не спрошу, ни вопроса! Буду все делать, как скажешь! Обещаю!

Чак сделал вид, что слегка колеблется, потом кивнул:

– Ладно, будем считать, я обо всем забыл. Поедем глянем на город?

– Идем. – Она благодарно взглянула на него. – С удовольствием.

– Спрошу Пока, можно ли взять машину.

В ту же секунду ее снова охватила паника.

– Ты ему не скажешь... ни о чем не расскажешь?

В его ухмылке появилось злорадство. Для его «я» это просто бальзам – видеть, как она перед ним пресмыкается.

– Не скажу. – Короткими влажными пальцами он взял ее за подбородок и ущипнул, да так, что она сморщилась. – Только помни, крошка, это в последний раз.

Он вышел из коттеджика и постучал в дверь Пока. Тот его впустил и тут же закрыл дверь. Они стояли и смотрели друг на друга.

– Я все слышал, – сказал Пок негромко. – Ты был на высоте. Возьми машину, съездите на пляж. Поразвлеки ее. А я посплю. – Из кармана он вытащил двадцатидолларовый банкнот. – Вот... порадуй девочку. – Он умолк. Его черные блестящие глаза обшарили лицо Чака. – Вечером ты мне понадобишься. Отсюда стартуем в одиннадцать.

Чак замер, во рту вдруг пересохло.

– Номер два?

Пок кивнул.

Глядя в сторону, Чак выдавил из себя:

– С первым ты управился сам. Зачем тебе нужен я?

– На сей раз без тебя не обойтись, – ответил Пок. – Отвези ее на пляж и подразвлеки.

Чак кивнул, помешкал секунду, потом вышел.

Пок закрыл за ним дверь и заперся на задвижку. Подождал, пока Чак и Мег сели в «бьюик» и уехали, потом подошел к своей постели, поднял матрас и вытащил из-под него снайперскую винтовку.

Сев на край кровати, он принялся чистить ствол.

Всю свою утреннюю корреспонденцию Терреллу удалось просмотреть только после 14:00. Отвечать на входящие звонки он посадил Биглера. Телевизионный рассказ Хэмилтона произвел в городе эффект разорвавшейся бомбы, и телефон в полицейском управлении трезвонил без умолку. Местные богатеи были все народ избалованный, нервный, и они не на шутку взволновались. Полиция, по их понятиям, находилась у них в услужении, была только для того и создана, чтобы стоять на страже их интересов. «Ну что, вы уже поймали этого психа? –

вопрошали они – гневно, визгливо, на грани истерики. – Вы что там, в полиции, не понимаете, что он может убить еще кого-нибудь? Какие меры вы принимаете?»

Биглер отражал эти атаки, не теряя самообладания, излучая спокойствие и уверенность, из-за рта все время торчала сигарета, рядышком на столе – картонный стаканчик с кофе.

Звуки голосов на все лады стучали по его барабанным перепонкам... Врезать бы этому Хэмилтону по заднице, чтобы не болтал лишнего.

Лоусон Хэдли, мэр города, слыл человеком разумным. С Терреллом он уже переговорил.

– Может, это псих, – сказал ему Террелл. – А может, и алкаш. Пока у меня мало сведений, ничего определенного сказать не могу. Все рапорты и донесения я разберу примерно к 15:00. Если хотите подождать, Лоусон, ради бога, я не против.

– Подожду, Фрэнк. Этот Хэмилтон, черт его деря, нагнал на всех страху, а мы сами не знаем, в чем дело. Я буду где-нибудь поблизости.

В 15:00 Террелл, Хэдли и Биглер сидели за столом в кабинете Террелла.

– Орудие убийства похищено вчера вечером из магазина Данваса, – начал Террелл. – Это подтверждают специалисты по баллистике. Убийца выстрелил из жилого дома, который называется «Коннот», с террасы пентхауса. В этом пентхаусе, как вам известно, живет Том Дэвис, и сейчас он отдыхает где-то в Европе. Его нет уже три месяца, и убийца, скорее всего, это знал. Лифт из подвального гаража ведет прямо к Дэвису в квартиру. Если подобрать инструмент, подняться туда на лифте несложно. В общем, никаких особых усилий не потребовалось. Убийца заехал в гараж, поднялся в квартиру Дэвиса, вышел на террасу и стал ждать, когда появится Маккьюэн. Швейцар «Коннота» на ногах примерно с 6:00. Видимо, убийца пробрался в здание ночью, поднялся наверх и стал ждать. В 9:30 швейцар идет завтракать. С 9:30 до 10:15 дом никем не охраняется. В это время убийца и улизнул.

Хэдли провел рукой по редеющей шевелюре:

– Впечатление такое, что он все тщательно спланировал, причем давно.

– Или хорошо знал заведенный распорядок. Похоже, ему было точно известно, когда именно надо выстрелить, когда выйти из здания и что Дэвис в отъезде.

– Выходит, это кто-то из местных?

– Скорее всего.

Хэдли обеспокоенно задвигался в кресле:

– Еще что-нибудь у вас есть?

– Записка... странная какая-то. Это предупреждение. Ее отправили вчера вечером. Тут я пасую. Убийца предупреждает Маккьюэна, что тот будет убит. Но зачем?

– Реклама, – предположил Биглер. – И он ее получил. Еще какую.

– Может быть, ты прав: рекламу он получил. Ребята из лаборатории эту записку обработали. Отпечатков нет, написано шариковой ручкой, бумага продается в любом дешевом магазине. То есть у нас нет ничего, кроме самого текста. – Террелл достал записку и передал ее Хэдли. – Буквы, как видишь, печатные и слегка корявые. Важно время, указанное в записке: 9:03. Это значит, убийца прекрасно знал привычки Маккьюэна. Маккьюэн ведь был помещан на времени, всегда все делал секунда в секунду. И убийца знал, что из дому Маккьюэн всегда выходит в 9:03. Кто мог знать это с точностью до минуты? Секретарша Маккьюэна, его шофер, слуга. Но они здесь ни при чем. В этом я не сомневаюсь. Возможно, Маккьюэн хвастался этой своей точностью перед друзьями. Что ж, проверим. Скорее всего, убийца живет или жил здесь и хорошо знаком с укладом и распорядком жизни в наших краях. Ведь знал же он, что Дэвис в отъезде, что швейцар идет завтракать в 9:30, а Маккьюэн всегда выходит из дома в 9:03. Кое-что это нам дает, но немного. Насчет Маккьюэна вы все знаете не хуже меня. Большой любовью к нему никто не пылал, врагов в деловых кругах было предостаточно. Я в жизни не поверю, что кто-то из его деловых партнеров решил поохотиться на него с ружьем, это уж слишком, черт подери, но ведь я могу и ошибаться. Возможно, эта записка лишь отвлекающий маневр, но

что-то мне подсказывает – никакого маневра тут нет. Мне кажется, это какой-то обозленный псих, он живет здесь и еще даст о себе знать.

Хэдли переварил все сказанное, потом спросил:

– Каков наш следующий шаг?

Террелл подался вперед, положил свои большие кулаки на стол.

– Строго между нами, понятия не имею. Никаких конкретных шагов мы сейчас предпринять не можем. Официально заявим, конечно, что расследование ведется, разрабатываются версии и тому подобное, но делать нам особенно нечего. Фотоснимок винтовки еще раз покажем по телевидению, покопаемся в жизни Маккьюэна и поговорим с его друзьями, но, боюсь, это мало что даст. Безмотивное убийство – это самый крепкий орешек. Попробуй разгрызи. Будем молить бога, чтобы это убийство оказалось единственным.

Хэдли пристально посмотрел на него:

– Ты не исключаешь, что он пойдет на убийство снова?

– Откуда мне знать? Надеюсь, что нет. А мы будем действовать по обычной схеме. Проверим всех, кто ссорился с Маккьюэном, а таких немало. Постараемся выяснить, кому он насолил сильно, кто мог иметь на него зуб... может, кто-то из его подчиненных. Если какие-то идеи есть у тебя, Лоусон, выкладывай – сейчас самое время.

Хэдли раздавил сигару о дно пепельницы и поднялся:

– Нет... но положение мне ясно. Ладно, Фрэнк, действуй. Я поеду к себе в кабинет, постараюсь погасить страсти... ничего другого мне пока не остается.

Когда он уехал, Террелл допил кофе, закурил трубку и взглянул на Биглера:

– Ну, Джо, заводим машину на полные обороты. Всех в работу, пусть ищут. Боюсь, правда, ни черта они не найдут, но сидеть сложа руки нам тоже не след.

– Есть. – Биглер поднялся. – Считаешь, шеф, одним дело не кончится?

– Надеюсь, кончится.

– А я думаю, что нет. Это же псих; кто знает, что такому взбредет в голову? – Биглер покачал головой. – Повезло Фреду. Я бы с удовольствием залег сейчас в больницу со сломанной ногой.

– Он допустит ошибку... все они в конце концов ошибаются, – сказал Террелл без особой уверенности в голосе.

– Вопрос – когда?

– Да, верно... когда.

Они посмотрели друг на друга, потом Биглер пошел в комнату детективов – как следует загрузить их работой.

Лепски прекрасно знал, что в эту пору все соседи возятся в своих садиках – поливают химией тлю, стригут лужайки, – и решил подкатить к дому с шиком – знай наших!

Он пронесся по их улице со скоростью пятьдесят миль в час и, поравнявшись со своей садовой калиткой, резко утопил педаль тормоза – машина, негодуя взвизгнув, застыла на месте, а сам Лепски едва не вылетел через лобовое стекло. «Вот это класс! – подумал про себя Лепски, бодро выпрыгивая из машины. – Так, правда, и влететь во что-нибудь недолго, да ладно». Хлопнув дверцей машины, зная, что соседи прервали все свои дела и глядят на него округлившимися глазами, он протопал по садовой тропинке к передней двери. Довольный – номер прошел на ура, – он воткнул ключ в замок. Все жители улицы уже знают, что он получил повышение, – жена позаботилась. Теперь самое время показать этим обывателям, каков он, детектив первого класса, в действии.

К сожалению, дверной замок он пытался открыть ключом от машины. Ему бы ворваться в дом, хлопнуть дверью – соседям было бы о чем посудачить, а он замешкался с замком, не сразу поняв, что ключ не тот, – и впечатление, конечно, было подпорчено.

Пока он, ругаясь, нашаривал нужный ключ, дверь распахнулась.

– Ну зачем так ездить, скажи на милость? – строго встретила его Кэрролл Лепски. – Ты же показываешь дурной пример.

Лепски протиснулся мимо нее, ногой захлопнул дверь и кинулся к туалету.

– Умираю, хочу отлить, – объявил он и заскочил внутрь.

Кэрролл вздохнула. Высокая, хорошенькая двадцатисемилетняя брюнетка, она была женщиной энергичной и волевой. До замужества она работала в Майами, в «Американ экспресс компани» и вела финансовые дела богатых, консультировала их. Эта работа дала ей уверенность в себе, в манерах даже появилось что-то покровительственное.

Своего мужа она считала лучшим детективом в управлении, самым толковым. По ее планам, через шесть, самое большее семь лет он должен был стать шефом местной полиции. Ему этого она не говорила, но покоя не давала, подгоняла вперед, от повышения к повышению. Вот он уже и детектив первого класса; теперь на очереди звание сержанта.

Лепски вышел из туалетной комнаты, картинно вытирая со лба несуществующий пот.

– Давай выпьем, – предложил он, бросаясь в кресло. – У меня всего пять минут... как раз хватит, чтоб рубашку переодеть.

– Если ты все еще на дежурстве, Лепски, нечего тебе пить. Обойдешься колой.

– А мне, черт бы подрал все на свете, хочется выпить! Хорошую порцию виски, и льда побольше!

Кэрролл вышла на кухню и вернулась оттуда с хорошей порцией колы, где было много льда.

– А что ты такой взбудораженный? – спросила она, садясь на ручку его кресла.

– Я? Взбудораженный? С чего ты взяла? – Он отпил полстакана колы и поморщился. – Может, плеснем туда на полпальца виски?

– Нет! Вид у тебя какой-то взбудораженный. Да я и сама... Сидела у телевизора, будто пришитая. Этот убийца... Палач... что вообще происходит?

– Псих. А псих – это для нас самая худшая болячка, сама знаешь. Только, Кэрролл, никому ни слова! Я знаю, все твои языкастые подружки думают: сейчас получим информацию из первых рук. Так вот, чтобы ни слова!

– А что рассказывать-то? Даже ребенку ясно, что убийца – сдвинутый. Или вы его уже нашли?

Лепски безрадостно усмехнулся:

– Нет еще. Мне, пропади все пропадом, придется весь вечер народ расспрашивать. Обычное дело. Но город напуган, и у нас должен быть деловой вид. Если честно, это пустая трата времени, но не вздумай кому-нибудь это сказать.

– Я могу дать тебе зацепку, Лепски. – Теперь, когда выяснилось, что муж в тупике, Кэрролл была готова выложить припасенный козырь, который приведет мужа к очередному повышению. – Как только утром я услышала по телевизору Хэмилтона, сразу пошла к Мехитабель Бессинджер. Я точно знала: если это дело кто и раскроет, так только она.

Лепски застыл на мгновение, потом расстегнул ворот рубахи.

– Это старое брехло? Ты просто спятила! Ладно, крошка, дай-ка мне чистую сорочку. Меня не будет весь вечер. Может, сварганишь мне пару бутербродов? Что там у нас в холодильнике? Говядина осталась?

– Послушай, Лепски, – продолжала Кэрролл твердо. – Может, Мехитабель и старая, но никакое она не брехло. У нее дар провидения. Я сказала ей, что для тебя это очень важно и...

– Минуточку! – Лепски выпрямился в кресле, заподозрив неладное. – Ты отдала ей мое виски? – Вскочив на ноги, он бросился к бару. Его бутылки «Катти Сарк» на месте не было. Он повернулся и укоризненно посмотрел на жену. – Ты отдала этой старой пропойце мое виски!

– Какая она тебе старая пропойца? Ну, иногда позволяет себе выпить. Да, я отдала ей виски... ничего страшного, Лепски, у тебя в последнее время насчет этого перебор.

Лепски ослабил узел галстука.

– При чем тут мой перебор! Ты хочешь сказать...

– Помолчи! Можешь меня выслушать? – Голос Кэрролл зазвенел.

– Могу, могу. – Лепски запустил пальцы в волосы. – Только я и так все наперед знаю. – Он снял галстук и принялся мять его в руках. – Ты пошла к ней, она достала свой дурацкий магический кристалл и за бутылку моего лучшего виски поведала тебе, кто убил Маккьюэна... так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.